

Знание - Власть!

Концептуальное приложение. Срок актуальности информации - не ограничен.

ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕЯ НАШЕГО БУДУЩЕГО

Иван ИЛЬИН

Иван Александрович Ильин (28.03.1883, Москва - 21.12.1954, Цолликон, Швейцария) - выдающийся русский мыслитель, правовед, политолог. Автор более 40 книг и 300 статей на русском и немецком языках.

Родился 28 марта 1883 г. (9 апреля по григорианскому календарю)

Закончил (1906) юридический факультет Московского Императорского университета. Приват-доцент (1909) кафедры истории права и энциклопедии права. Доктор государственных наук (1918) - диссертация "Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека".

В 1922 выслан из Советской России как активный противник большевистского режима. Профессор (1922-1934) Русского научного института в Берлине. Редактор-издатель журнала "Русский колокол" (1927-1930). Из-за преследований гестапо должен был перебраться в Швейцарию (1938), где прожил до 1954 года.

1. Какими должны быть русские патриоты

Когда мы размышляем об исторических путях и судьбах России и особенно о ее будущем, то мы должны иметь в виду прежде всего размеры и своеобразие переживаемого ею крушения, его глубину и сложность.

Сегодня Россия нуждается больше всего в *самостоятельном национальном творчестве*: в углубленном, свободном, непредвзятом созерцании и постижении; в созидании, исходящем из любви к родине, а не из ненависти к обидчикам другого класса; в творчестве – идейном, программном и тактическом, политическом и социальном. Положение наше, русских патриотов, *единственно в своем роде*; и это мы должны усвоить крепко; от этого мы должны отправляться и именно так осмысливать нашу задачу. Ни один народ в мире не имел и не имеет ни такой территории, ни такого национального состава, ни такой истории, как Россия. **У нас своя, особая вера, свой характер, свой уклад души.** Мы иначе любим, иначе созерцаем, иначе поем. У нас иное правосознание и иная государственность. Так было всегда. И так обстоит особенно теперь, после всего, перенесенного Россией в революции. Поэтому механическое заимствование у других народов сулит нам добра меньше, чем когда-нибудь; и только те из нас, которые потеряли живое чувство России или, может быть, никогда не имели его, могут думать, что Россия спасется какою-нибудь новой слепой формой западничества. Формы национальной идеологии и национального возрождения – должны возникнуть из самых душевно-духовных недр самого народа, из его национально-патриотического горения; они должны быть рождены *его собственной проблематикой, его* страданиями, *его* характером, *его* историческими и культурными заданиями.

Вот почему русские патриоты в борьбе за Россию должны *сами творить* и полагаться на *свой* разум и на *свои* силы.

Это творческое задание мы не можем, не смеем суживать. Нельзя ставить вопрос о борьбе за Россию так, что "все дело в свержении большевиков, а там увидим". Нельзя урезывать свое понимание одним первым этапом, чисто отрицательным заданием: "долой!", а потом все "выяснится и утрясется"... В этом роде мыслило предшествующее поколение, оппозиционно-революционное: оно твердило "долой самодержавие" и воображало, что дальнейшее пойдет гладко и верно по схемам западноевропейской демократии. Оно не видело ни *своеобразия*, ни *величия* России, ни *пробелов русского национального характера*; и потому его "положительная программа" не годилась для России, была нежизненна и неверна. И что же? Предреволюционная монархия пала неожиданно с непредвиденной быстротой и "легкостью", а дальнейшее пошло по невиданным, неслыханным, кошмарным путям и только проявило наивную немощь свергателей, их политическую недалковидность и полную неподготовленность...

2. России нужна новая созидательная творческая идея

Первое, что мы должны сказать: ожесточенным ломом, ревом и погромом *без цели и без идеи* Россию не спасешь. *Необходима идея. Идея долгого, волевого дыхания.* И создание этой идеи лежит на нас.

России же нужен не шум, а *ответственная идея* — на десятилетия, на века... Идея не отрицательная, а *положительная*; государственная созидательная; но не формальная, т.е. не ограничивающаяся простым указанием на голую форму правления — например, на "монархию" или "республику", так, как если бы этим разрешались важнейшие и глубочайшие проблемы... Эта идея должна быть *государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная.*

Это есть идея воспитания в русском народе национального духовного характера.

Само собою разумеется, что это воспитание может быть только *национальным самовоспитанием.*

Враги России были как бы призваны к тому, чтобы духовно пробудить нас... Но национального воспитания они нам, конечно, не дадут: *и не захотят, и не смогут.* Национальное воспитание может быть осуществлено и должно быть проведено **самим русским народом**, т.е. его верной и сильной национальной интеллигенцией: священником и монахом, народным учителем, профессором, офицером, судьей, чиновником, художником и литератором. Для этого России нужен **новый отбор людей** — отбор духовный, качественный и волевой. Отбор несоблазненных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе — Бога, Родину, честь и совесть; и непреклонную волю; **идею духовного характера и жертвенного поступка.** Мы все призваны влиться в этот процесс теперь же; а закончится он только в следующих поколениях.

3. Возрождение учителя для воспитания русского национального духовного характера

Идея русского национального духовного характера не есть ни политический лозунг, ни политическая программа; это — **руководящая, творческая идея.**

В ней указан и лозунг сегодняшнего дня: *ибо ныне бороться за Россию и победить могут только люди, воспитавшие и закалившие в себе национальный духовный характер;* они должны найти друг друга, сговориться и сорганизоваться.

Углубить и укрепить в жизни русский национальный духовный характер — значит научить русского человека *духовно быть, самостоятельно творить и отстаивать свою Родину.* Это значит привести в движение и довести до великого духовного расцвета — *религиозную* глубину русского духа.

В старину русские характеры закалялись не только от суровой природы и в жизненно-исторических испытаниях, но **взрачивались церковью**, выковывались в *монастырях* и в *армии*. В будущем к этим очагам русской национально-духовной силы должна присоединиться *вся система народного образования* и все *патриотически-орденские организации* религиозного и светского характера. Живая школа общественного самоуправления и твер-

дая центральная власть постепенно довершат это дело.

Русский народ будет искать после революции великой и спасительной *религиозной цельности*. Православный монастырь, ведомый православным старчеством, во всей его мудрости и свободе, найдет и укажет ему путь к этой цельности. Тогда он даст России науку религиозного характера и справится со своей беспримерной задачей всероссийско-го миссионерства.

Русская армия искони была школой русской патриотической верности, русской чести и стойкости. Самое воинское звание и дело заставляет человека выпрямить хребет своей души, собрать свою распушенную особу, овладеть собою и сосредоточить свою выносливость и мужественность. Все это элементарные предпосылки характера. Армия невозможна без *дисциплины* и *усердия*. Армия требует воинского качества.

Вся система *народного образования* должна влиться в эту борьбу за национально-духовный характер.

В будущей России **образование не должно отделяться от духовного воспитания** — ни в народной школе, ни в гимназиях, ни в профессиональных училищах, ни в университетах.

Образование одной памяти и одного рассудка оставляет человека *полуобразованным* и главное *беспринципным*, придавая ему черты самомнения и изворотливости. **Полуобразование уводит от духа и от Бога.** Беспринципность ведет на службу к дьяволу.

Судьба будущей России лежит в руках *русского учителя* — преподавателя школы и гимназии, а также профессора, который есть учитель учителей. Одна из важнейших задач русского общества и правительства — выдвинуть кадр народных учителей, *идейно преданных* своему делу, способных не только "обучать", но и **духовно воспитывать**, и спаянных единством национально-патриотической убежденности. Русский народ, изживший смуту в страданиях и унижениях коммунизма, с радостью и доверием пойдет за этим кадром.

Русский учитель должен прежде всего продумать и почувствовать до конца **свою великую национальную задачу.** Он не специалист по ликвидации безграмотности (не "спец" "ликбеза"), а *воспитатель русских детей.* Он должен знать и понимать, что дело не только в развитии наблюдения, рассудка и памяти, а в пробуждении и укреплении *духовности* в детях. Поэтому он должен сам твердо и ясно постигнуть, *что есть духовное начало в человеке*, как надлежит будить его в детях, укреплять и развивать, **как можно пробудить в ребенке религиозное чувство, совесть, достоинство, честь**, художественный вкус, братскую сверхклассовую солидарность, правосознание, чувство ответственности, патриотизм и уважение к своей и чужой частной собственности.

Воспитать и подготовить народного учителя — значит сделать его живым мастером этого дела. К технике обучения должно присоединиться **искусство воспитания.** И самое обучение должно происходить на духовно-воспитывающем материале сведений и фактов. Сама идея преподавания должна быть обновлена; а методика обучения должна быть разработана заново.

Все, что воспитывает духовный характер человека, — все хорошо для России, все должно быть принято, творчески продумано, утверждено, насаждено и поддержано. И обратно: все, что не содействует этой цели, должно быть отвергнуто, хотя бы оно было принято всеми остальными народами.

Спорт укрепляет и воспитывает характер, если он не

жесток, если он сковывает и дисциплинирует страсти, а не разнуздывает их. Этим должно определиться отношение к спорту в России.

Хоровое пение дивным образом сочетает самостоятельность человека с осуществлением общественной гармонии; культ национального русского дара к песнопению с облагораживающей силой музыки. Поэтому **хоровое пение должно стать делом всенародным, делом государственной важности.**

Частная собственность воспитывает человека к самостоятельности и самодеятельности; она должна быть утверждена в социальных формах и видах. Коммунизм угашает личное начало в человеке и ему не будет места.

Кооперация, основанная на добровольном объединении самостоятельных хозяев, но отнюдь не образующая социалистическое "государство в государстве", – будет цвести в будущей России.

Особая забота должна быть о **духовном воспитании детей.**

Основная и священная задача воспитателя состоит в том, чтобы озарить детскую душу божественными лучами, дать ей вострепетать от них, осчастливить ее ими, *влюбить детский инстинкт в Бога и Его мировые веяния*; чтобы эта тайна перерождающего соприкосновения состоялась еще тогда, когда никакое ожесточение и окаменение не овладело душою и не исказило ее судорогою зла; тогда, когда душа нежна, непосредственна, чутка и доверчива.

И вот, когда детская душа, умиленная и трепещущая от сострадания к страдающему, рванется ему на помощь; когда ребенок, почувствовав неизмеримую благодать и любовь Бога, Отца всяческих, осчастливленный этой любовью, захочет ответить на нее; когда у ребенка навернутся слезы на глазах от восторга перед красотой небесного облака, или сияющей бабочки, или глубокой и сильной мелодии; когда у него сожмутся кулачки и засверкают глаза от желания стать, как Александр Невский, как Козьма Минин или как Лавр Корнилов, словом, когда луч Божий, непосредственно или преломленный через земные ткани, озарит и опалит его душу – тогда свершится одно из важнейших и драгоценнейших событий его жизни, событие основополагающее и одухотворяющее: рождение ангела в темной и загадочной глубине инстинкта. Чем раньше и глубже проникнет в детскую душу этот луч – тем лучше; чем живее, чем искреннее он будет удержан ею – тем продуктивнее. Именно инстинкт ребенка должен быть им пленен и осчастливлен: чтобы от *инстинкта к духу* на всю жизнь установился и упрочился легкий и свободный ход; чтобы инстинкт в самые трудные и страшные минуты жизни таил в самом себе любовь к духу, и волю к духу, и мог всегда найти путь к нему. Этим закладывается, этим уже заложена основа человеческой духовности, начало духовного характера.

4. Что такое духовное бытие и духовный характер

Что же должны мы воспитать в самих себе и в нашем народе? **Что такое духовный характер? И как приступить к этому делу?**

Мало сказать "воспитание характера", надо непременно договорить: воспитание *духовного* характера. Русская душа должна приобрести уклад *волевой, достойный и царственный*. Она должна выстрадать и выковать себе духовный характер.

Человек без духа не достоин своего звания.

Все люди и все народы – знают они о том или не знают – слагают свою жизнь, свои дела, свою историю перед лицом Божиим. Им светит божественная благодать. Им даются дары Духа Святого. Божественная стихия, вливаясь в человека, создает его *духовный характер*, а разворачиваясь в его делах и созданиях, слагает *духовную культуру народа*.

Именно в этом – смысл дивной христианской молитвы ко Святому Духу: *"прииди, и вселися в ны..."*

Так человеку дается тот внутреннейший источник или орган для верного восприятия божественных лучей, который будет питать его на протяжении всей его жизни; в этих лучах, этими лучами он будет в дальнейшем утверждать свою личную духовную силу. Ибо в нем создан тот духовно-душевный алтарь, у которого он может молиться; установлены как бы те весы, на которых он способен взвешивать человеческие деяния и мировые события; как бы организован тот "главный штаб" его жизни, в котором он будет принимать все судьбоносные, боевые решения своей жизни... **Заложен камень его бытия.**

Быть не то же самое, что *существовать*. **Быть – значит** быть (сознательно или бессознательно) **в божественном содержании**, его удерживать в себе, им строить себя, им измерять дела и события. В идеальной полноте – это значит **принимать путь Божьего Дела на земле, как свой собственный путь**; Его дело, как свое дело; Его успех, как свой успех.

Несомненно, что все люди имеют "существование": они существуют в виде множества своеобразных комбинаций телесного и душевного материала. Согласно этому каждый из нас должен как бы одолеть свое "существование", его груз, его инерцию, его трудности, и приобрести *бытие с Богом*.

Человек с безвольно-страстной душою говорит и живет по формуле: "мне хочется думать и поступать *так*; но я *мог бы* и иначе, в зависимости от моего интереса, как мне в данный момент захотелось бы или понравилось..." Напротив, человек, **имеющий духовное бытие и характер**, говорит и живет иначе: "я думаю, решаю и поступаю *так, только так*; иначе я не могу, и не хочу, и не должен, и не смею, я и не могу хотеть иначе; и не хотел бы иначе мочь; ибо *это и только это* соответствует сразу – и **требованию Божьего дела на земле, и голосу моей совести**, в котором мой инстинкт и мой дух слились воедино".

Всюду и в личной жизни, и в общественной, и в религии, и в науке, и в искусстве, и в политике – есть эта высшая, божественно-предметная необходимость, которую человек призван испытать и увидеть, – и, увидев, полюбить; и, полюбив, осмыслить; и, осмыслив, осуществить; и в этом осуществлении построить свое *личное бытие* и бытие своей *национальной культуры*.

Сколько людей живет и умирает (сегодня) и не знает об этой божественно-предметной необходимости; не знает вообще, что она есть, что она – *источник духовного бытия*; не знает, ни в чем она, ни как она обретается и обнаруживается. Множество людей говорит о религии, работает в науке, сочиняет в искусстве, пишет и печатает, распоряжается в государстве – и идет *мимо* этой стихии и ее законов, не видя или пренебрегая. Только **немногие** знают о ней непосредственно, из внутреннего опыта; а те, кто слышат о ней от других, – нередко отрицают, смеются и кощунствуют, или вовсе не отзываются. Это люди, лишенные духовного характера. Но именно вследствие этого они

остаются вне реальности; их жизнь призрачна; их деяния не духовны.

Самый источник их существования и самая ткань их была – *вне этих измерений*, ибо они руководятся одним инстинктом самосохранения. Они одержимы потребностями и страстями; и духовно-обоснованные решения им чужды. Поэтому жизнь их складывается нередко из состояний, а не из поступков; и *идея подвига* кажется им чуждой и странной. Они не решают и не совершают, а как бы текут, плывут по течению или ползут и осыпаются, подобно песку, увлекаемые тяготением.

Бывают в истории периоды и времена, когда такой тип человека становится распространенным или даже преобладающим. Именно так было в России перед революцией... *Но именно так оно у нас впредь не должно обстоять и не будет!* Народ, который не умеет или не может преодолеть это состояние и найти из него творческий выход, т.е. укрепить свой духовный характер и насадить его в новых поколениях, – *не сможет удержаться на исторической арене: его смоем волна других народов. И потому у России нет выбора: она должна вступить на указываемый мною путь.* И я верю, что это так и будет: великие исторические крушения и испытания пробудят и укрепят его духовные силы. И не нам сомневаться в этом, не нам, которых Пушкин научил молиться за Россию этими дивными словами:

*Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.*

Что же делать нам, чтобы не раздробиться, подобно стеклу? Что делать нашему поколению и тем поколениям, которые придут вслед за нами? **Как укрепить нам наш характер, блюдя его национальную природу и сообщая ему живую и огненную духовную основу? И как нам воспитать ее в нашей народной массе?**

5. Почему необходимо восстанавливать духовный характер и каковы его особенности у русских людей

Не здесь и не сейчас разрешать этот вопрос в целом. Но утвердим теперь же, что **от разрешения этой задачи зависит вся судьба, вся будущая судьба России и русской культуры.** Ибо на чем же построим мы наше государство, если **не на духовном характере русских людей?** Не на терроре же, подобно большевикам! И не на расплывающейся же центробежной хляби человеческой, не на лени же, пассивности и саморазнуздании! Мы строили его доселе **на священной традиции**, которая отбирала людей с характером и вела ими страну. Но ныне традиция эта порвалась и мы должны идти *не от нее, а к ней* – исходя **от характера у многих и восходя к насаждению характера в массе...**

И если мы не укрепим силу духовного и гражданского характера в России, то какая же государственная форма удастся нам? Пародия на республику или пародия на монархию? Что познает и утвердит бесхарактерный ученый? Куда поведет нас бесхарактерный философ? В какую оргию, в какой распад вовлечет нас бесхарактерный художник? Какую продажность развернет бесхарактерный чиновник? Кого научит, кого воспитает бесхарактерный священник? Какую войну сумеет повести бесхарактерный офицер?!

Вся Россия была создана людьми с характером. Вся русская культура есть явление национального духовного характера. А ныне, после таких и стольких испытаний, мы призваны к тому, чтобы **найти ключ к воспитанию русского национального духовного характера в массе и осуществить это воспитание.** Мы должны твердо верить в то, что все беды и испытания последних лет – не только плющили и разбивали слабых, но и *закаляли сильных.* И от этих, сильных и закаленных, **мы и должны начать новую систему национального воспитания в России. Это проблема всех проблем;** здесь начало всех начал. Ибо люди с сильным духовным характером нужны России не только через сто лет, и не только "послезавтра", *но сегодня, сейчас, немедленно и на века!..*

И кто воспитает теперь же хоть одного такого человека – укрепит ли он себя самого или поможет другому, или взрастит в этом духе сына или дочь – **тот оправдывается перед лицом России и ее истории.** Если что-нибудь необходимо России – то *такие* люди. Если враги России чего-нибудь опасаются, то **именно этого.** Если разрешение какой-нибудь задачи нельзя откладывать, то именно этой задачи!

Россия нуждается больше всего в воспитании и укреплении духовного характера. В чем его сущность? Каковы его основы?

Отвечаю на эти вопросы не в общей, философской форме, а применительно к России, русскому народу и русскому национальному характеру.

Русскому человеку в массе даны три основные силы: гибкий, крепкий *инстинкт* самосохранения, изобретательный и подвижный, темпераментный в основном заряде и талантливый в проявлениях; яркая, глубокая, отзывчивая жизнь *чувства*; сила созерцающего, образно мыслящего *воображения.*

Чтобы захватить эти три основные силы и вовлечь их в строительство характера и в жизненное творчество, русскому человеку необходимо что-то искренно и сильно *любить*, что на самом деле заслуживало бы этой любви, и во что-то искренно и крепко *верить*, что заслуживало бы этой веры перед лицом Божиим.

Есть народы, которым надо прежде всего понять умом и на основании этого решить волею. У нас же первые движущие силы – *любовь и вера.* Без любви русский человек становится лентяем и мотом, пассивно прозябающим существом; без веры – русский человек становится безразличным резонером, пустым и вредным разговорщиком. Чтобы действовать, русский человек должен твердо поверить во что-нибудь, пусть в ложное или дикое. Ум и *воля* приводятся у русского человека в движение *любовью (или, соответственно, ненавистью) и верою.*

Поэтому русское национальное воспитание должно непременно обращаться к иррациональной глубине инстинкта, к страсти человека, к его живому и глубокому чувству, чтобы *разбудить чувствилище человека духовным содержанием*; чтобы ранить, пленить, влюбить душу в Божественное, в Бога на небесах или в божественное обнаружение Его на земле, а лучше всего – в оба эти предмета.

Инстинкт и дух не враги. Они необходимы друг другу. Инстинкт необходим духу, как жизненная сила. Дух необходим инстинкту, как высшая власть и ценность.

Русскому человеку, чтобы быть на высоте, необходимо беззаветно любить и беззаветно верить.

Все великое на земле создано страстию, но не животной страстию, а одухотворенной и духовной. И больше всего это относится к *русскому человеку и русской истории*. Ему необходимо, чтобы страсть его не подавлялась и не томилась под запретом, но **сама горела искренним и искрящимся огнем любви**, и сама излучала влчившийся в нее свет веры. Так, чтобы эта любовь не стыдилась разума, но придавала его свету – силу высшей ясности, глубины и власти; и чтобы она не боялась воли, не отстранялась от нее, а зажигала и вдохновляла ее.

Такой любви и такой веры требуют от русского человека три великие "предмета": *Бог, Родина и национальный вождь*. Эти три великие "предмета" только и можно иметь любовью и верою. И замечательно, что эти три предмета укоренены духовно в первом – в Боге: ибо без Бога – и родина не родина и национальный вождь не вождь, а тиран.

Кто не любит *Бога* и не верит в Него, исходя из собственного духовного опыта, тот Его и не имеет; ибо ни волею, как думают католики, ни умом, как думают протестанты, – Бога иметь нельзя.

Кто не умеет любить свою *родину* и верить в нее, тот безродный человек, ибо ни расою, ни государственной принадлежностью, ни географией, ни бытом, ни привычкой – родину иметь нельзя.

И кто не любит беззаветно своего национального вождя, и не верит *ему*, и не верит *в него* – тот не посылает ему своего сердечно-волевого луча верности, силы и вдохновения, тот не "аккумулирует" к нему или в него, и потому жизненно и творчески теряет его; именно потому **персону вождя и Государя враги всегда пытаются обессилить и подорвать подозрениями, насмешкой, очернением и клеветою...**

И вот, воспитать русского ребенка и воспитать в нем характер значит прежде всего – открыть ему, его инстинкту, его глубокому иррациональному чувствилищу, его страсти способность и счастье беззаветно любить и беззаветно верить: *первое* всего и *превыше* всего – любить *Бога* и верить *в Бога*; а потом – любить *Родину*, это живое жилище Духа Божия на земле, эту национальную сокровищницу Духа Святого, любить ее и верить в нее; и наконец – любить персонифицированного главу родины, ее ответственного и вдохновенного вождя или Государя.

6. Нам необходимо обретать духовную очевидность

Но чтобы так беззаветно полюбить и беззаветно поверить, надо *увидеть духовными очами* то, что любишь и во что веришь.

Необходима *духовная очевидность*. Русский национальный характер должен быть построен на очевидности и может быть построен только на ней. Это и только это соответствует душевному естеству и укладу русского человека.

Очевидность – вот то простое и единое слово, к которому я свожу воспитание русского национального характера и следовательно все возрождение России. На *очевидности* – на *духовном оке*, на *зрении сердца*, на *созерцании любви* – построена была Россия: и русское православие, и русская добродетель; и русское правосознание, и русское геройство; и русское искусство, и русский характер.

И если ныне мировой кризис обнаружил некоторую опустошенность и некое бесплодие мировой культуры – то эта опустошенность сводится к утрате *духовной очевидности*;

и если народы ныне жаждут чего-то и нуждаются в духовном обновлении – то они нуждаются именно в очевидности; и ныне обаяние России и русской культуры во всем мире объясняется именно тем, что люди и народы смутно, как сквозь сонную завесу, чувствуют, что русский дух богат, щедр и живет именно тем началом *духовной очевидности, сердечного видения, зрячей любви*, которой им не достает и которая составляет как бы самый воздух или самую ткань, или самую животворящую энергию России, русского духа и русской культуры. Эту-то силу мы и должны ныне осознать, возродить, очистить и из нее вырастить новую Россию.

Очевидность не сводится ни к мнению, ни к познанию, ни к вероятности, ни к "приятно чего-то за истину". **Очевидность состоит не в том, что человек выбирает то, что ему приходится по вкусу и начинает с этим понаравившимся носиться, как с сокровищем. В очевидности не человек охватывает истину умом, а истина охватывает человеческое сердце, и воображение, и ум.** В очевидности отпадает всякое сомнение и шатание, исчезают все оговорки, резервации, всякая условность, все релятивистические уловки.

Человек переживает в сердце, в глубочайшем чувствилище своем *некое окончательное озарение, некое несомнительное, подлинное посещение Божиим лучом*.

Очевидность есть обрыв, *конец* – и в то же время *начало нового бытия*. Раз испытанная и пережитая, она делает человека *сокровенно накаленным и светящимся изнутри*. Она делает человека наполненным и в глубине его существа – *одержимым*. Но одержимость эта не есть одержимость безумием, или неизжитой личной страстью, или диавольским началом. Это есть накаленность и одержимость *благодатным Божиим лучом, лучом божественной Предметности*.

Эта *одержимость*, возникшая от *очевидности*, – как бы возвращает в мир Божий луч, озаривший, ошачлививший *духовное око сердца*. Она возвращает этот луч творчески – то в накаленном, духовно-верном поступке; то в чудесной, ясновидческой картине художника; то в сверкающей и светящейся сонате; то в огненной молитве, исполненной живого Боговидения и произносимой в смиренно-державной простоте; то в изысканной Божий мир научной теории; то в государственных преобразованиях великого реформатора; то просто в сиянии тихой, скромной жизни, полной жертвенного смысла и смирения; то в героической смерти человека.

И сколь счастливы люди, получившие этот луч в раннем детстве, – когда вся душа пропитана наивным доверием, прозрачна до дна и восприимчива с самого дна. И не в этом ли сокровенный смысл Христовых слов: **"пустите детей – и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное"** (Мф. 19, 14). И еще: **"если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное"** (Мф. 18,2).

Люди, одержимые очевидностью духа и сердца, – **носят в себе первооснову духовного характера и обыкновенно узнают друг друга издали, легко и быстро.** Вся судьба их, вся кривая их жизни слагается по-особому. Ибо очевидность одухотворяет, опалает и очищает человеческое бессознательное – инстинкт и его первобытное чувствилище, страсть и темперамент человека. Она дает человеческой душе – якорь, опору и характер. Она дает всем нравственным удержам *силу и питание*. Она открывает человеку возможность **стать духовно сильным, здоровым**

и цельным. Человек не раздвоен: у него не так обстоит дело, что ему нравится то, чего он не ценит, а ценит он то, к чему его не тянет; а так, что ему нравится *совершенное*, а к несовершенному его и не влечет; для него не милое – хорошо, а хорошее – мило; и в вещах, и в людях, и в деяниях. И отсюда его *цельность в душе* и его *искренность в духе*. То, что он любит – за то он и борется; и он прав в этом и сам знает об этом; ибо **за то, что взято и принято очевидностью сердца, — за это люди всегда боролись на жизнь и на смерть.**

Очевидность есть источник *убеждения*, убежденности; она есть источник духовной принципиальности и духовного характера. **Именно к очевидности в ее полном и глубоком значении может быть сведена творческая идея нашего будущего.**

7. Закон обретения сокровища сердца своего, голоса совести и чувства собственного духовного достоинства

Есть такой закон духа, согласно которому человек вживает силы своей души в то содержание, которое дается ему акт очевидности. Я имею в виду тот закон, который выражен в евангельских словах: *"где сокровище ваше – там и сердце ваше будет"* (Лк. 12, 34).

Человек, найдя свое духовное сокровище, вживается в него в течение всей своей жизни – иногда сам того не сознавая. Это сокровище становится его *главным* предметом, его иррациональной идеей, метафизическим лейтмотивом его жизни. Такой человек приобщается *моно-идеизму* – т.е. он одержим той единой идеей, которую принес его сердцу Божий луч; и вследствие этого он сам *уподобляется* этой идее. Так отшельник, проводящий свою жизнь в Богомыслии, трудится по слову Макария Великого в *богоделании*, он работает над *богоуподоблением* своей души. Так душа творящего *художника* становится гармоничною, мерно-зданною, поющею, утонченно-созерцательною. Так душа *патриота* всю жизнь укореняется в духе и силе и славе его Родины.

Это постоянное интенсивное сосредоточение души на чем-то едином и определенном – злом или добром, осуждающем или соблазнительном, благородном или низменном – отождествляет человека с предметом его медитации. Скажи мне, о чем горит твое сердце, а я скажу тебе, чему ты уподобляешься и чем ты станешь.

Именно в силу этого закона так **бесконечно важно при-вить ребенку способность молиться**, т.е. собранно, целостно, огненно возноситься к Богу и принимать в себя Его благодатное излучение и веяние. (Все более приближаться к Богу и соединяться с Ним.) В этом процессе человек постепенно и незаметно создает в себе самом, в глубине своей души некое *духовное огнище*, некий центр, как бы несгораемую купину, из которой он будет исходить в своих оценках, решениях и делах и которою он будет определяться в жизни.

Кто бы он ни был – врач, или судья, или ученый, или воин, или художник, или воспитатель, или политик, или тем более священник – человек будет слагать свою жизнь и свои отношения именно *при свете этой купины*, из ее лучей, по звучащему из нее голосу. И если уподобить его душу городу, то можно сказать, что в этом городе – сложится некий священный Кремль, а центром Кремля будет

храм, а в центре храма будет жертвенник с *неугасающим огнем любви и волевого служения*. Вот образ человека с духовным характером.

Из этой купины и раздается тот голос, который мы называем голосом совести, – не совести укоряющей и угрызающей за совершение худых дел или за несовершенство хороших дел, но совести, властно бросающей нас в самое верное и лучшее из возможных деяний и делающей для нас невозможными, неосуществимыми, невыполнимыми дела злобы и коварства. Человек с духовным характером слышит голос совести не после греха, а до поступка; и этот голос совести не мучает его укором, а подсказывает ему самое лучшее, объективно лучшее в каждом жизненном положении. И что чудеснее всего, что этот голос совести он воспринимает, как волю Божию и в то же время как свое собственное влечение и желание. Не так дело обстоит, что воля Божия требует от него чего-то, что он признает лучшим, но чего ему не хочется; а так, что **ему самому целостно хочется того, чего от него требует голос Божий.** И в этом-то и состоит последний смысл третьего прошения молитвы Господней – *"да будет воля Твоя"*. Значит: да будет не только Твоя воля надо мною, "на небеси", чтобы я верно и покорно принимал ее; но **да будет Твоя воля во мне**, "на земли", и пусть она станет единственным источником моих хотений.

Именно такой душевно-духовный уклад и вызывает в человеке ту необходимую и бесконечно драгоценную жизненную основу, которую я называю *чувством собственного духовного достоинства*. Понятно, как оно возникает. Человек, *чувствующий себя духовным градом*, с кремлем, храмом и купиною, несет это в себе, как некий дар и сокровище. Он любит это сокровище, как свой главный доступ к Божественному. Он чтит этот дар и благоговеет перед этим голосом – понимая, что он сам почерпает в нем и из него **свою духовную правоту и свою духовную силу**. Он чувствует себя как бы жилищем или сосудом этой купины и этого голоса. И потому понимает, что, унижая себя, он унижил бы и свой храм; и что, соблюдая верность своему храму и своей купине, он строит и поддерживает свой дух и свое бытие.

Чувство собственного духовного достоинства — не есть ни тщеславие, ни честолюбие, ни гордыня. Оно не только не исключает чувство *ответственности*, религиозное *смирение* и *покаянное* очищение, но является прямым условием их верного, искреннего и плодотворного переживания.

Ибо чувство ответственности растет и крепнет именно от непосредственного предстояния своей купине и ее голосу. И именно в этом предстоянии, трепетном и ответственном, человек впервые научается смиряться без лицемерия и аффектации, видеть себя малым и слабым в отрыве от Божьей силы. Он научается смирению без унижения; смирению, а не рабству; он научается по слову ап. Петра служить, *как свободный* (I Пет. 2, 16). *И покаяние* у него никогда не превратится в отчаяние о себе и не поведет его на путь бессильного примирения с грехом: ибо источник его возрождения и его силы в *нем самом* – ему стоит только войти в свой кремль и храм и внять гласу из купины; и он знает об этом, помнит – и покаяние его становится от этого *творческим*.

Чувство собственного духовного достоинства – есть драгоценная и безусловная основа настоящего характера. Оно как будто говорит человеку неумолчно: помни,

что твоя воля укоренена *в благе*; что ты *сам* хочешь добра, к которому ты призван; что доступ к нему *открыт* тебе, ежесекундно и пожизненно; *что ответственность твоя* перед Богом, перед собою и перед людьми велика и неизбывна; помни о своих *слезах и клятвах* перед этим алтарем; и оставайся *верен* своей вере и своей любви, чего бы это тебе ни стоило.

Спросим себя, способен ли такой человек на измену или предательство? Способен ли он на низость или продажность? Способен ли он на клевету или интригу? И установим, что Россия нуждается прежде всего и больше всего в людях *такого* уклада и характера. Россия только тогда стряхнет с себя и вытравит из своей души последние остатки и крепостного права, и коммунистического порабощения, когда встанет **такое поколение деятелей и граждан.**

И именно тогда начнут исчезать из русского душевного уклада рабские, подлые и пошлые черты, которые закреплены в русских поговорках, которые отразили наши частые грехи: "чей хлеб ешь, того и обычай тешь"; "в какое стадо залетел, так и каркай"; "меж у волками вой поволчьи, меж свиньями хрюкай по-свинячьи"; "рука руку моет, вор вора кроет"; "мимо идти да не украсть – люди дураком назовут"; "закон, что дышло: куда поворотишь, туда и вышло"; "что за чины, когда во шах нет ветчины"; "конь любит овес, а воевода принос"; "деньгам все повинуется"; "стыд не дым, глаза не выест"; "казна – шатущая корова – не доит ее ленивый"; "казенного козла за хвост поддержишь – шуба будет"; "дай прокормить казенного воровбу – без своего гуся за стол не сядем"; и т. д. и т. д.

Не довольно ли? Не ясно ли?

Чувство собственного духовного достоинства – есть основа достойного, верного образа действий; основа *здоровой гражданственности, творческого правопорядка, могучей армии, крепкого государства.* Это есть основа *неподкупного, честного* служения церкви, и родине, и всякому Божьему делу на земле, основа того, что я называю *предметными поведением в жизни и творчестве:* и в политическом творчестве, и в научном; и в художественном, и в хозяйственном.

Силен тот народ, где люди знают, говоря словами Пушкина, "первую науку: чтить самого себя". Но чтить самого себя может только тот, кто *носит в себе Бога.* Ибо только ему есть за что себя чтить, – и притом не от самомнения, заносчивости или гордыни. Он чтит в себе Божий и ангельский зрак, чтит в себе Того, Кому заповедано молиться "Отче наш..." и кто эту молитвою утверждает в себе сына Божьего.

8. Умение владеть собою, распознавать людей и определять – за что стоит жить и умереть

Таковы основы духовного характера со всеми их последствиями и проявлениями. Из них проистекает прежде всего – *умение владеть собою:* самому устанавливать для себя закон жизни и поведения и самому свободно этот закон выдерживать и соблюдать (то, что можно передать греческим словом *автономия* – по-русски буквально *самозаконие*).

Эта автономность характера – это самообладание, этот самоудерж является условием *верности и свободы.* Ибо для того, чтобы блюсти верность – церкви, родине, правительству, жене, своему слову, – нужна не только *преданность сердца,* но еще и живая, *волевая власть над самим собою,* над произволом своего ума, над кипением своих страстей,

над своею корыстью и ленью.

Русский человек силен тогда, когда он *целен;* а цельности он достигает прежде всего и больше всего *через свободу* – через внутреннюю *свободу любви и свободу веры.* И, замечательно, что этой свободой любви и веры проникнут дух русского *Православия* – этой главной и величайшей воспитательной силы в истории русского народа.

Духовный характер дает людям еще одну драгоценную способность – *распознавать людей, их духовность, их силу, их ранг, их призвание, их верность.* Ибо распознать все это может только тот, **кто сам этому причастен,** кто или *уже имеет* это, или же *упорно и усердно* работает над тем, *чтобы это приобрести.*

Вот почему к организаторской и водительской деятельности призваны именно люди с духовным характером и только они. Ибо им дано видеть в других людях, *кто* из этих других *к чему* призван; и кто силен, кто слаб; и кто верен, а кто затаил в себе предателя; и кто какой ранг способен понести и вынести. **А вне этого не создать никакой могучей и ведущей, жизненно-творческой организации.**

В отборе людей, который уже начат силою исторических событий и ныне продолжается и совершается сам собою – решает прежде всего и больше всего критерий жизни и смерти. Ибо эти события – и великая война, и революция, и наше рассеяние – неустанно твердят нам одно: **"жить стоит только тем, за что стоит бороться на жизнь и на смерть, за что стоит умереть".** Стоит бороться и умереть – за Бога, за веру, за духовную свободу, за честь, за родину, за семью; **стоит бороться и умереть – за свой народ, за его духовную культуру, за его творческую жизнь, за национальное искусство, за национальное достояние, за национального вождя.** И новые русские поколения должны внять этому критерию у самой колыбели своей.

Пусть никто не говорит, что это сурово, невозможно и неосуществимо. Ибо вот, смотрите: разве я выдумал эти слова и это требование? Разве не сама русская история громко твердит их вот уже двадцать лет у колыбели новорождающихся русских людей? И разве не слышите вы в этих словах как бы некий исторический голос, который сразу обличает наше прошлое малодушие и оскудение и в то же время дает нам обетование неизмеримо большего и прекрасного? Ведь в этом последний, потрясающий смысл всего того, что переживают русские люди под ярмом большевицкого террора: "предай и предайся; или закались и воспари; ибо жить стоит только тем, за что стоит бороться на смерть и умереть"... И не большевики мыслят и говорят это – куда им, слепым кротам материализма! Но в плавильне их зверского террора "дробится стекло" русской духовной бесхарактерности и "куется булат" русского национального характера. И, видя это, можем ли мы сомневаться в том, чем это кончится? И можем ли мы пассивно недоумевать о том, *что* нам надлежит делать?

9. Творческая идея нашего будущего – воспитание и укрепление русского национального рыцарства, создание деятельных православных общин и рыцарских организаций

Мы должны прежде всего и больше всего – **крепить, растить и углублять русский национальный духовный характер, в самих себе, и в других, и в наших детях.** В

этом залог спасения, знамя спасения и утверждения на много десятков лет, на сотни лет вперед. **В этом творческая идея нашего будущего, в этом критерий нашего успеха.** Это мерило для нашего государственного и хозяйственного строя. Здесь источник расцвета русской науки, русского искусства, русской культуры.

И не "приступить" к этому мы должны, ибо мы к этому уже приступили; а сознательно, и планомерно, и неутомимо предаться этому.

Идея духовного характера должна стать и станет в России ведущей идеей, программой, мерой. Бесхарактерность будет мерою неудачи и стыда; характер мерою успеха и почета. Людей, которые **не любят ничего высшего и не верят ни во что божественное, будут сторониться; их будут обходить.** С людьми, у которых нет очевидности, не будут разговаривать – ибо с трупами не беседуют. **Всюду будут искать людей совестных и верных.** Люди, лишённые чувства собственного духовного достоинства, займут последний ранг в обществе. Люди, неспособные к автономному самообладанию, будут обуздываться и клеймиться. **Россия вступит в эпоху орденских и рыцарских организаций.**

Ибо русские люди поймут и продумают окончательно то, что начали понимать уже и в наши дни: а именно, что один человек с духовным характером **есть уже целый остров в бушующем море;** и что два таких человека, сговорившихся в крепком и верном, жизненно-смертном единомыслии – образуют начало материка; а **орденский союз, сплотившийся из таких людей, может все и для него нет невозможного.**

И потому мы теперь же, сегодня же **должны** – каждый в себе самом, за себя и для себя, и в то же время – для других и для России – **ковать в себе этот духовный характер,** измеряя себя и свои поступки этими мерилками: *любви, веры, очевидности, совести, чувства собственного духовного достоинства, автономного самообладания и смертной готовности.* И все это *перед лицом России* – ее исторических судеб, ее трагедии и **ее возрождения,** ее потребностей, ее грядущих путей; познавая ее через свою собственную душу и познавая себя в ее истории и ее духе.

Итак, спасение России – в воспитании и укреплении **русского национального рыцарства.** В этом все: идея, программа и путь борьбы. **Это единственно верное и единственно нужное.** Все остальное есть проявление, развитие и последствие этого.

Рыцарский дух; рыцарская дисциплина; рыцарское единение; рыцарская борьба! В мире раздор и смута потому, что люди ищут только "своего" и только "для себя". Смута и раздор потому, что в жадных сердцах **нет престола Божия, нет служения и ответственности; и потому нет и спасительной, творческой идеи,** которая дала бы не только новую цель и новую программу, но указала бы и новое бытие и новые формы бытия. Нет этой идеи: *христиански-милосердной-социальной; и в то же время – духовно-правовой, патриотически-государственной и грозной.* Да, *милосердной и грозной: рыцарственной.*

Оставим в стороне другие страны и другие народы и их спасение. У них свои язвы, свои беды, свои нужды и свои опасности. Нельзя быть умным и сильным за других.

Мы сами – беспризорные дети; и потому не наша печаль чужих детей качать. Оставим до времени все эти общечеловеческие мечты и вселенские химеры. **Россия перед нами! А ей необходимо русское рыцарство: новое служение по-новому служащих новых служилых кадров.**

Быть рыцарем – значит предстоять престолу Божьему и быть крепким православным человеком; и в этом трепетном предстоянии почерпнуть бестрепетность для честного и грозного служения.

Быть рыцарем – не значит иметь отвлеченный "идеал", но значит быть верным, сильным и бесстрастным орудием живой идеи, ее носителем до смерти, ее слугою на смерть.

Быть рыцарем – значит закалять свой характер; значит утопить свое малое "я" в великом, национально-патриотическом "Мы" и подчинить свое личное – общему спасению.

Быть рыцарем – значит построить свою жизнь на свободном повиновении Предмету своего служения и Вождю и поднять забрало навстречу врагу.

Быть рыцарем – не значит "отвергать собственность", но значит оплодотворять ее трудом и преобразовать щедростью.

Быть рыцарем – значит вносить во все дела дух неуравновешенной справедливости, нести своему народу братство, слабому – защиту, злему – грозу!..

...Невозможно? Неосуществимо? Утопическая мечта? Непосильный идеал?

Смотрите же: весь смысл переживаемой нами смуты в том, чтобы повсюду запылали очаги нового, национально-государственного рыцарства.

И не говорите, что "нас мало" и что нельзя нам "переть против рожна". Тех, кто прав, силен и верен, всегда было на свете меньше; и все большие движения всегда начинались скудным меньшинством. **Дело не в числе людей, а в их внутренней, духовной силе и в их спайке на жизнь и на смерть.** Зверь гораздо сильнее укротителя, но не смеет броситься на него, пока дух укротителя собран и пока не дрогнула сила его взгляда.

Будем же твердо уверены в возрождении России. И доведем себя до очевидности в вопросе **о необходимости для России национального духовного характера.** И тогда все сложится само собою.

Знаем мы, что русскому человеку в массе нелегко дается сила характера. Но если характер дался и удался русскому человеку – то крепости его искони дивились другие народы.

Читайте историю России: и убеждайтесь, что **вся она создана силою русского духовного характера.** От Феодосия Печерского до Сергия Радонежского, патриарха Гермогена и Серафима Саровского; от Мономаха до Суворова, Столыпина и Врангеля; от Ломоносова до Менделеева – вся история России есть победа русского духовного характера над трудностями, соблазнами, опасностями и врагами.

Так было. Так и еще лучше будет и впредь. **В России зазяла бездна безбожия и жадности, бесчестия и порока. Россия отзовется на это и уже отзывается зарождением деятельных православных общин и рыцарства. И Господь подаст нам и умудрения, и силы, и горения, и воли.**